

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ

Аннотация. Статья раскрывает региональные аспекты развития гражданского общества. В частности, на примере Алтайского края рассматривается отношение населения к феномену гражданского общества. Проведенное в рамках специального научно-исследовательского проекта научное социологическое изыскание позволило проследить зависимость общественных гражданских инициатив от социальной активности населения. При этом акцент делается на оценке состояния гражданского общества, институциональных условий функционирования гражданского общества, социальной активности граждан региона и экспертных оценках развития некоммерческого сектора в регионе.

Ключевые слова: социология, общество, активность, ценности, нормы, инициативы, социум, культура, гражданский, регион.

В последнее время, как известно, о гражданском обществе дискутируют представители различных сфер жизни и научных областей. Это стало приметой эпохи, переживающей многочисленные «сломы» мировоззрений, исторических реалий, виртуальных миров, мнений и концептов. Публицистика все большее внимание обращает на неразвитость институтов гражданского общества или его диверсификацию, связанную с выраженным отдалением власти от граждан, их забот и чаяний. Такие оценочные суждения, как правило, бытуют в ситуации, когда о гражданском обществе судят по конкретным повседневным реалиям коллективной и индивидуальной жизнедеятельности людей, например, доступности или недоступности образования, участившихся случаях закрытия учреждений культуры, дороговизне продуктов питания и промышленных товаров и др.

Более предметно, на наш взгляд, феномен гражданского общества рассматривается в современном социогуманитарном знании, но все же приходится в связи с этим констатировать, что зачастую спор ведется вокруг самой категориальной системы «гражданское общество» и не выходит за рамки актуализации сущностных свойств изучаемого явления. Вместе с тем существующие различные точки зрения относительно специфики гражданского общества позволяют сделать один примечательный вывод о том, что исследователи исходят прежде всего из внутренних системных свойств самого гражданского общества. Так, к примеру, в самом широком толковании гражданское общество предстает как «пра-

вовое общество, ставящее своей первоочередной целью гуманизацию всех сторон государственного бытия»¹ или как «системное образование, необходимое для развития и закрепления в государстве институтов демократии, принципов народовластия»². Как видим, в этих двух трактовках очевиден крен в сторону государства, и, действительно, развитие гражданского общества почти всегда в научном дискурсе связывается с приоритетами государственности и государства над всеми иными. Такое доминирование можно, с одной стороны, объяснить еще сохраняющейся инерцией прошлого, когда основной закон страны прямо указывал на такое превазирование (Конституция РСФСР 1978 года, например, сначала устанавливала основы общественного строя и политики, а затем сравнивала позиции государства и личности, однозначно отдавая приоритет государству³), с другой стороны, сам термин «гражданское общество» в этимологическом смысле сразу наталкивает на цивилистическое понимание сути этого феномена. Именно поэтому гражданское общество связывается прежде всего с государственной политикой, с философией государства, с устройс-

¹ Арн С.И. Социальная культура и гражданское общество // Граждане и гражданское общество. Граждане и государство: Сб. аналит. обзоров: 2005-2009. Новосибирск, 2010. С. 124.

² Коркин В.Ю. Гражданский ум и гражданская философия: идеология власти. Киев, 2008. С. 35.

³ Конституционное право России. Основные законы, конституции и документы XVIII — XX веков. Хрестоматия / Сост. А.П. Угроватов. Новосибирск, 2000. С. 557-565.

твом власти, наконец, с явлениями экономики, демографии и т.д. Этот факт, к примеру, отмечает А.В. Тонконогов, полагая, что государственная политика Российской Федерации «должна представлять собой систему официальных научно-прагматических взглядов и принципов, определяющих направления, средства и методы совместной деятельности органов законодательной, исполнительной, судебной власти и институтов гражданского общества по защите национальных духовных...ценностей...»⁴. На первое место, как видим, вновь выдвигаются приоритеты и концепты государственной политики, хотя и признается необходимость совместного участия государства и институтов гражданского общества в защите и сохранении ценностей. Безусловно, можно согласиться с установившимся в социогуманитарном знании мнением о непреложной связи *гражданского* и *государственного*, но речь идет не только об этом отношении. Нужно иметь в виду, что гражданское общество — это выраженная в особых, допустимых с точки зрения права, формах позиция граждан по отношению к деятельности государства и его механизмам, это ценностно-смысловая система, утверждающая духовно-консолидирующие доминанты в жизни человека и социальном бытии.

В правоведении сложился дискурс, в котором гражданское общество в своем становлении и развитии связывается с правом. Некоторые исследователи в связи с этим признают за данность сам факт существования в России гражданского общества и влияние его институтов во всех сферах коллективной и индивидуальной жизнедеятельности человека. Так, Л.С. Мамут отмечает, что «закрепленные в Конституции РФ ценности по своему смыслу и содержанию релевантны другой реальности — развитой демократически-правовой государственности, цивилизованной рыночной экономике, *сложившемуся и упрочившемуся* (курсив наш. — Е.П., С.М.) гражданскому обществу...»⁵. По-видимому, для правоведов вопрос о том, что институты гражданского общества **упрочили** свое положение, давно

уже признан решенным и не нуждающимся в какой-либо дополнительной рефлексии. Однако стоит в связи с этим отметить примечательный факт, что в действующей Конституции РФ отсутствует даже упоминание о гражданском обществе, хотя нужно признать, что многие ее нормы так или иначе к гражданскому обществу имеют отношение. И все же гражданское общество — это идеальная модель социального бытия и, как всякий идеал, практически оказывается недостижимым. В эпоху перекрестья различных мировоззрений и концептов, переосмысления известных идей и положений любая идеализация (и тем более социального феномена) становится малоубедительной.

Во времена постмодерна, ознаменовавшегося трагедией самих идей социальности и государственности, не всегда удавалось прийти к единому мнению о сути и предназначении институтов гражданского общества. Представления о них неразрывно связывались с идеологией социальной справедливости (так, например, признавалось, что «именно идея социальной справедливости осуществляет интеграцию общества»⁶), с идеями о сохранности частной собственности⁷ и почти всегда — с возможностью нахождения взаимопонимания с органами власти⁸. В условиях постмодерна гражданское общество переживает нелегкие времена: о каких социально-политических исканиях народа может идти речь тогда, когда человек мыслит симулякрами и чаще признает необходимость или допустимость разрушительной деятельности по сравнению с созидательной. Это тем более очевидно, если иметь в виду, что сама власть в 90-е годы ушедшего столетия переживала тяжелые испытания в борьбе за новую Конституцию, за демократические принципы и убеждения, за правовой характер решения проблем государственного масштаба. В этом случае постмодерн, как нам кажется, мог помочь лишь в одном — когда катастрофа власти, сопряженная с борьбой за власть, замещается искренней гражданской позицией или намерениями

⁴ Тонконогов А.В. Мировоззренческие императивы обеспечения духовной безопасности современного российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2010. №2. С. 120.

⁵ Мамут Л.С. Конституционные основы современной российской государственности // Общественные науки и современность. 2008. №4. С. 52.

⁶ Кочетков В.В., Кочеткова Л.Н. К вопросу о генезисе постиндустриального общества // Вопросы философии. 2010. №2. С. 27.

⁷ Грудцына Л.Ю. Частная собственность и гражданское общество в России // Государство и право. 2008. №6.

⁸ См., например: Ирхин Ю.В. Гражданское общество и власть: проблемы взаимодействия и контроля в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. №5.

человека. Но этого не произошло в силу различных обстоятельств и, пожалуй, главного из них — исчезновения самого общества. Об этом, в частности, размышляет известный исследователь постмодерна В.А. Кутырев: «Понятие постмодернизм фиксирует состояние общества, когда оно, собственно человеческое общество, исчезает»⁹ и далее: «Время не останавливается, люди, как таковые, не исчезают, а исчезает культура...»¹⁰. Постмодернизм сокрушает традиционные устои и ценности человека как таковые, от природы, естественные и неотчуждаемые с позиции права. Конечно, инерция постмодерна продолжает нивелировать саму возможность «закрепления» гражданского общества в российской действительности не в его пользу. *Исчезнувшее* общество — это не только метафорический комплекс, таковым является общество переходного периода, находящееся на грани выбора, принимающее судьбоносное для себя решение. Очевидно, что в таком социальном мире основы гражданственности, приоритеты гражданского общества также «стихают», перверсируют в открытую политическую демагогию или борьбу, замещающие высшую ценность человека и обязательства государства эту ценность признавать, сохранять и развивать.

В эпоху постмодерна многие теоретические построения предопределили отношение к миру, к человеку, культуре. Стали возможными такие философские, политические и концептуально-правовые обобщения, которые в условиях тоталитарной идеологии никак не могли самостоятельно возникнуть или были обречены на провал и не могли должным образом оказывать воздействие на отношения человека и государства. Согласно концепции власти ярчайшего представителя постмодерна М. Фуко, люди управляют миром при помощи знаний, интеллектуальной деятельности. Описывая «микрофизику власти», мыслитель выделяет три действенных инструмента власти. Первый — иерархическое наблюдение, или способность чиновников наблюдать все, что ими контролируется, одним пристальным взглядом. Второй инструмент — способность выносить *нормализующие* приговоры и наказывать тех, кто нарушает нормы. Так, человека могут негативно оценить и наказать в категориях времени (за опозда-

ние), деятельности (невнимание) и поведения (за невежливость). Третий инструмент — использование *исследования* для наблюдения за людьми и вынесения относительно их нормализующих приговоров¹¹. В условиях постмодернизма подобного рода концепции становятся метанарративами, которые представляют собой показатели образованности и организованности гражданского общества, призванному, как полагает К.А. Феофанов, «противостоять произволу власти, интеллектуально и организационно значительно уступают воле, организации и интеллектуальной разработанности акций по возвеличиванию и развенчиванию правовых решений...»¹² Это фундамент всякого гражданского общества — противостояние власти, но **не отказ** от права, морали, нравственности, философии, политики.

Базовым показателем сформированности гражданского общества является уровень социальной активности населения. Под социальной активностью в самом общем смысле понимается целенаправленная деятельность индивида, направленная на решение социальных проблем, стоящих перед отдельной личностью, социальной группой или обществом в целом. Важнейшими характеристиками социальной активности являются добровольность, инициативность, рефлексивность и направленность на высшие социальные и духовные потребности личности в самореализации, самопожертвовании, социальном служении.

Авторский коллектив факультета социологии Алтайского государственного университета под руководством профессора С.Г. Максимовой провел социологическое исследование — мониторинг общественного мнения состояния гражданского общества, в котором приняли участие 2045 человек, проживающих в 14 муниципальных образованиях Алтайского края — 4 городах и 10 сельских административных районах), организованного на территории Алтайского края по четырем направлениям: оценка состояния гражданского общества, институциональных условий функционирования гражданского общества, социальной активности граждан региона

⁹ Кутырев В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура // Вопросы философии. 1996. №11. С. 25.

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. N.-Y., 1979. P. 26-27.

¹² Феофанов К.А. Цивилизационные детерминанты права: коммуникативные технологии на службе политических режимов // Социально-гуманитарные знания. 2009. №5. С. 90.

и экспертные оценки развития некоммерческого сектора в регионе.

Для получения представления о социальной активности населения Алтайского края как показателя развитости гражданского общества разработаны вопросы, позволившие охарактеризовать особенности и мотивацию вовлеченности населения в социально значимые виды деятельности, оценить формы выражения общественных гражданских инициатив. В проведенном исследовании мы анализировали формы социальной активности, касающиеся участия респондентов в социально значимой деятельности, и определяли уровень активности населения в общественно значимой работе, под которым понимался процент населения, активно вовлеченного в социально значимую деятельность, от общего числа респондентов.

Охват общественно значимой деятельностью населения Алтайского края достаточно высок – 42,5% респондентов занимаются теми или иными видами социально значимой деятельности (при этом, некоторые респонденты заняты в нескольких видах деятельности одновременно), и это несмотря на то, что большинство опрошенных (57,5%) указали на то, что не имеют к этому отношения.

Направления/виды социально значимой деятельности в структуре активности респондентов, занимающихся ею, распределились следующим образом: на первом месте по количеству выборов стоит такой вид социально значимой деятельности, как здоровье и пропаганда ЗОЖ (13%). На втором месте – защита окружающей среды (11%). Третью и четвертую позицию поделили два вида социально значимой деятельности – благотворительность и помощь людям, находящимся сложной жизненной ситуации (по 11%). Организация молодежного досуга, отдыха, организация культурно-массовых мероприятий занимает пятое место в рейтинге видов социально значимой деятельности респондентов (10%). Менее 10% отведено респондентами таким видам социально значимой деятельности, как воспитание и образование (общественные школы, приюты, детские больницы и т.п.), информационно-просветительская деятельность, работа с людьми с ограниченными возможностями и правовая защита. Незначительная часть опрошенных, порядка 1%, не могут однозначно идентифицировать свою деятельность как социально значимую, либо сомневаются в ее добровольном характере, что выражается в выборе варианта ответа «другое».

Таким образом, результаты исследования выявили довольно высокий уровень занятости населения социально значимой деятельностью (42,5%). Распределение ответов на вопрос о направлениях социально значимой деятельности в зависимости от места проживания респондентов позволило сделать выводы о преобладании тех или иных видов деятельности в городском или сельском социуме.

Согласно результатам исследования, большую часть социально активных граждан Алтайского края составляют лица 30-39-летнего возраста. Уровень их активности в процентном отношении от общей численности группы составил 51%. На втором месте по степени активности молодые люди в возрасте от 15 до 19 лет – 48% представителей данной группы занимаются социально значимой деятельностью. Третье место заняли лица предпенсионного и пенсионного возраста (от 50 лет и старше) – уровень их активности составил 37% от общей численности опрошенных в данной группе.

В то же время привлечение молодежи как значимого социального ресурса незначительно. Менее активными являются молодые люди 20-29 лет (36%) и респонденты среднего возраста 40-49 лет (32%). Полученные выводы являются в некоторой степени парадоксальными, поскольку принято считать, что главным ресурсом и движущей силой общественного развития, в том числе развития гражданственности, является молодежь. В то же время нередки случаи, когда молодежь привлекается на всевозможные общественно-значимые мероприятия не как активный субъект и участник, а в качестве массовки и бесплатной рабочей силы.

Итак, население Алтайского края обладает довольно высоким потенциалом социальной активности, необходимым для успешного развития гражданского общества, общественных объединений граждан и свободных ассоциаций. Выявленные отличия в социальной активности населения дифференцируются по видам социально значимой деятельности и доли не участвующих в ней индивидов.

Несмотря на то, что охват общественно значимой деятельностью опрошенного населения Алтайского края достаточно высок, тот факт, что около 60% респондентов не занимаются ею, может привести не к стимулированию общественной активности, а скорее к ее демотивации и, как следствие, затруднению процесса формирования активной граждан-

ской позиции индивида, становления гражданского общества.

Основными факторами демотивации социально значимой деятельности для не участвующих в ней граждан, согласно результатам исследования, являются факторы как субъективного, так и объективного плана. Первоочередным препятствием на пути к участию в социально значимой деятельности является нехватка свободного времени и сил для более, чем трети респондентов. На втором месте с существенным отрывом стоит отсутствие личного интереса как важный фактор демотивации деятельности (23%). Незнание к кому и куда необходимо обратиться для того, чтобы начать участвовать в социально значимой деятельности, занимает тре-

тью позицию в рейтинге основных факторов демотивации (16% выборов). Далее, на четвертом месте находится такой фактор как недостаточная информированность о возможности применения своих сил – 14% выборов респондентов. Почти столько же голосов (14%) респонденты отдали собственной лени и пассивности, как основным препятствиям на пути к социально значимой деятельности – пятое место среди других ответов. Шестую позицию, но не менее значимую в вопросах формирования социальной активности и гражданственности населения, занимает такой фактор демотивации социально значимой деятельности, как отсутствие решительности и ощущение своей неподготовленности (6%).

Библиография

1. Азми Д.М. Структурное строение системы права: теоретико-методологический анализ // Государство и право. 2010. №6.
2. Арн С.И. Социальная культура и гражданское общество // Граждане и гражданское общество. Граждане и государство: Сб. аналит. обзоров: 2005-2009. Новосибирск, 2010.
3. Бачинин В.А. Антропосоциология и метафизика портрета // Человек. 2004. №4.
4. Ведерникова О.Н. Антикоррупционная политика в России: с чего начать? // Общественные науки и современность. 2005. №3.
5. Грудцына Л.Ю. Частная собственность и гражданское общество в России // Государство и право. 2008. №6.
6. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации 2009 г. // www.oprf.ru
7. Ирхин Ю.В. Гражданское общество и власть: проблемы взаимодействия и контроля в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. №5.
8. Ирхин Ю.В. Постмодернистские теории: достижения и сомнения // Социально-гуманитарные знания. 2008. №6.
9. Конституционное право России. Основные законы, конституции и документы XVIII — XX веков. Хрестоматия / Сост. А.П. Угроватов. Новосибирск, 2000.
10. Коркин В.Ю. Гражданский ум и гражданская философия: идеологемы власти. Киев, 2008.
11. Кочетков В.В., Кочеткова Л.Н. К вопросу о генезисе постиндустриального общества // Вопросы философии. 2010. №2.
12. Кутырев В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура // Вопросы философии. 1996. №11.
13. Мамут Л.С. Конституционные основы современной российской государственности // Общественные науки и современность. 2008. №4.
14. Попов Е.А. Постмодернизм и право // Право и политика. 2010. №2.
15. Разин А.А., Разин Р.А., Шудегов В.Е. Человек — главная ценность общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. №2.
16. Раянов Ф.М. Матрица правового государства и наша юридическая наука // Государство и право. 2006. №8.
17. Тонконогов А.В. Мировоззренческие императивы обеспечения духовной безопасности современного российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2010. №2.

References (transliteration)

1. Azmi D.M. Strukturnoe stroenie sistemy prava: teoretiko-metodologicheskii analiz // Gosudarstvo i pravo. 2010. №6.
2. Arn S.I. Sotsial'naya kul'tura i grazhdanskoe obshchestvo // Grazhdane i grazhdanskoe obshchestvo. Grazhdane i gosudarstvo: Sb. analit. obzorov: 2005-2009. Novosibirsk, 2010.
3. Bachinin V.A. Antroposotsiologiya i metafizika portreta // Chelovek. 2004. №4.
4. Vedernikova O.N. Antikorruptsionnaya politika v Rossii: s chego nachat'? // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2005. №3.
5. Grudtsyna L.Yu. Chastnaya sobstvennost' i grazhdanskoe obshchestvo v Rossii // Gosudarstvo i pravo. 2008. №6.
6. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii 2009 g. // www.oprf.ru
7. Irkhin Yu.V. Grazhdanskoe obshchestvo i vlast': problemy vzaimodeystviya i kontrolya v sovremennoy Rossii // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2007. №5.
8. Irkhin Yu.V. Postmodernistskie teorii: dostizheniya i somneniya // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2008. №6.
9. Konstitutsionnoe pravo Rossii. Osnovnye zakony, konstitutsii i dokumenty KhVIII — KhKh vekov. Khrestomatiya / Sost. A.P. Ugrovatov. Novosibirsk, 2000.
10. Korkin V.Yu. Grazhdanskiy um i grazhdanskaya filosofiya: ideologemy vlasti. Kiev, 2008.
11. Kochetkov V.V., Kochetkova L.N. K voprosu o genezise postindustrial'nogo obshchestva // Voprosy filosofii. 2010. №2.
12. Kutyrev V.A. Ekologicheskii krizis, postmodernizm i kul'tura // Voprosy filosofii. 1996. №11.
13. Mamut L.S. Konstitutsionnye osnovy sovremennoy rossiyskoy gosudarstvennosti // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2008. №4.
14. Popov E.A. Postmodernizm i pravo // Pravo i politika. 2010. №2.
15. Razin A.A., Razin R.A., Shudegov V.E. Chelovek — glavnyaya tsennost' obshchestva // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2005. №2.
16. Rayanov F.M. Matritsa pravovogo gosudarstva i nasha yuridicheskaya nauka // Gosudarstvo i pravo. 2006. №8.
17. Tonkonogov A.V. Mirovozzrencheskie imperativy obespecheniya dukhovnoy bezopasnosti sovremennoy rossiyskoy obshchestva // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2010. №2.